

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ЧЕТВЕРГЪ, 27 ОКТЯБРЯ 1932
JEUDI, 27 OCTOBRE 1932

НОМЕРЪ
ВЪ ФРАНЦИИ **50** САНТ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES", Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO
EN FRANCE **50** cent.

ЧЕТВЕРГЪ, 27 ОКТЯБРЯ
JEUDI, 27 OCTOBRE

№ 4236

13-е
ANNEE
301

ABONNEMENT AUX « DERNIERES NOUVELLES »
(Partant du 1 et 16 de chaque mois)
ПОДПИСКА ЦѢНА НА „ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ“
(съ 1-го и 16-го числа каждого мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France	14	40	75	145
За-границей . . . Etranger	25	70	135	265
Перемѣна адреса — 1 фр. — Changement d'adresse — 1 fr.				

Подписка принимается въ Конторѣ газеты
и въ ея отдѣленіяхъ, а также по почте.
отдѣленіяхъ.
Цѣна для Парижа и провинціи — 50 сант.
За-границей — 90 сант.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газеты.

On s'abonne aux Bureaux du Journal
et dans tous les Bureaux de Poste
Le numéro: Paris et Départements — 50 c.
Etranger — 90 cent.
Annonces: aux Bureaux du Journal

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION
Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro: Arts et Métiers)

Телефоны редакціи . . . TURBIGO 81-52
„ конторы . . . ARCHIVES 85-00
„ отд. объявленій. ARCHIVES 84-95 и слѣд.
Ночной телефонъ редакціи (послѣ 9 час. вечера):
PROVENCE 39-44

Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
DERNOUED PARIS 03

№
—
13
и

Чеховъ на Сахалинѣ

Передъ отъѣздомъ на Сахалинъ въ 1890 году, Чеховъ писалъ А. С. Суворину, сомнѣвавшемуся въ надобности этой поездки: «Насчетъ Сахалина ошибаемся мы оба, но вы, вѣроятно, больше, чѣмъ я. Яду совершенно увѣренный, что моя поездка не дастъ цѣннаго вклада ни въ литературу, ни въ науку: не хватитъ для этого ни знаний, ни времени, ни претензій. Нѣтъ у меня плановъ ни гумбольдскихъ, ни даже кенановскихъ. Я хочу написать хоть 100 — 200 страницъ и этимъ немножко заплатить своей медицинѣ, передъ которой я, какъ вамъ извѣстно, свинья. Быть можетъ, я не сумѣю ничего написать, но все таки поездка не потеряетъ для меня своего аромата: читая, глядя по сторонамъ и слушая, я многое узнаю и выучу. Я еще не ѣздилъ, но благодаря тѣмъ книжкамъ, которыя я прочелъ теперь по необходимости, я узналъ много такого, что слѣдуетъ знать всякому, подѣ страхомъ сорока плетей, и чего я имѣлъ невѣжество не знать раньше». Эти объясненія мотивовъ далекой и трудной поездки, куда онъ отправлялся для себя, безъ всякихъ порученій даже корреспондентскихъ, Чеховъ считалъ «неубѣдительными». «Но вѣдь и вы, — продолжаетъ онъ, — пишете тоже неубѣдительно. Напримѣръ, вы пишете, что Сахалинъ никому не нуженъ и ни для кого не интересенъ. Будто бы это вѣрно? Сахалинъ можетъ быть не нужнымъ и неинтереснымъ только для того общества, которое несылаетъ на него тысячи людей и не тратитъ на него миллионы. Послѣ Австраліи въ прошломъ, и Кайенны, Сахалинъ — это единственное мѣсто, гдѣ можно изучать колонизацію изъ преступниковъ; имъ заинтересована вся Европа, а намъ онъ не нуженъ! Не дальше, какъ 25 — 30 лѣтъ назадъ наши же русскіе люди, изслѣдуя Сахалинъ, совершали изумительные подвиги, а намъ это не нужно, мы не знаемъ, что это за люди, и только сидимъ въ четырехъ стѣнахъ и жалуемся, что Богъ дурно создалъ человека... Изъ книгъ, которыя я прочелъ и читаю, видно, что мы сгноили въ тюрьмахъ миллионы людей, сгноили зря, безъ разсужденій, варварски: мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали, размножали преступниковъ, и все это сваливали на тюремныхъ красноносыхъ смотрителей. Теперь

вся образованная Европа знаетъ, что виноваты не смотрители, а все мы, но намъ до этого дѣла нѣтъ, это неинтересно. Прославленные 60-е годы не сдѣлали ничего для больныхъ и заключенныхъ, нарушивъ, такимъ образомъ, самую главную заповѣдь христіанской цивилизаціи. Въ наше время для больныхъ дѣлается кое что, для заключенныхъ же — ничего; тюремновѣдніе совершенно не интересуютъ нашихъ юристовъ. Нѣтъ, увѣрю васъ, Сахалинъ нуженъ и интересенъ, и нужно пожалѣть только, что туда яду я, а не кто-нибудь другой, болѣе смыслищій въ дѣлѣ и болѣе способный возбудить интересъ въ обществѣ. Я же лично яду за пустяками» *).

Къ этимъ «пустякамъ» Чеховъ готовился долго и очень внимательно. «Цѣлый день сижу, читаю и дѣлаю выписки. Въ головѣ и на бумагѣ нѣтъ ничего, кромѣ Сахалина. Умопомѣшательство. Манія Сахалиноза», — писалъ онъ, напримѣръ, А. Плещееву. «День-деньской я читаю и пишу, читаю и пишу. Работа разнообразная, но нудная. Приходится быть идеологомъ и метеорологомъ, и этнографомъ, а къ этому я не привыкъ, и мнѣ скучно», — сообщалъ онъ Суворину, а въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ дѣлалъ оцѣнку книгъ о Сахалинѣ: «Наши г. г. геологи, ихтіологи, зоологи и пр. ужасно необразованные люди. Пишутъ такимъ сухоннымъ языкомъ, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы передѣлывать, чтобы понять, но зато важности и серьезности, хоть отбавляй. Въ сущности, это свинство».

Чеховъ выѣхалъ изъ Москвы въ апрѣлѣ и прибылъ на Сахалинъ 11 іюня. Съ дороги, большую часть которой пришлось сдѣлать на лошади, онъ посылалъ Суворину письма для «Новаго Времени». «Писанія мои для газеты, — сообщалъ онъ 18-го апрѣля, — могутъ начаться не раньше Томска, ибо до Томска все уже заѣдено, исписано и неинтересно». «Отъ нечего дѣлать, — писалъ онъ черезъ мѣсяцъ сестрѣ, — принялся за дорожные впечатлѣнія и посылалъ ихъ въ «Новое Время». Пишу обо всемъ понемножку: тренъ-бренъ. Пишу не для славы, а въ отношеніи денегъ и въ разсужденіи взята-

го аванса». «Дорогою писать было положительно невозможно, — сообщалъ Чеховъ Суворину. — Я велъ короткій дневникъ карандашомъ и могу предложить вамъ теперь только то, что въ этомъ дневникѣ записано. Чтобы не писать очень длинно и не запутаться, я все записанныя впечатлѣнія раздѣляю на главы. Пошлю вамъ шесть главъ. Написаны онѣ лично для васъ. Писалъ я только для васъ, и потому не боялся быть въ своихъ замѣткахъ слишкомъ субъективнымъ и не боялся, что въ нихъ больше чеховскихъ чувствъ и мыслей, чѣмъ Сибири. Если какія строки найдете интересными и достойными печати, то передайте ихъ благодѣтельной гласности, подписавъ мою фамилію и печатая ихъ тоже отдѣльными главками черезъ чашу по столовой ложкѣ». Девять писемъ появились въ «Новомъ Времени» лѣтомъ 1890 года и съ тѣхъ поръ не перепечатывались. Новое полное собраніе сочиненій Чехова воспроизводитъ эти, въ полномъ смыслѣ слова, забытыя страницы писателя.

Можетъ быть, сибиряки найдутъ ихъ «слишкомъ субъективными», но въ нихъ есть много чеховскаго, и уже одно это дѣлаетъ письма очень интересными. Это, главнымъ образомъ, разсказы о впечатлѣніяхъ длинной, «убійственной», «ужасной» дороги на лошади, — «почти единственной жилы, соединяющей Европу съ Сибирью». Въ ночь подъ 6-е мая Чеховъ ѣхалъ «въ высокомъ некрытомъ тарантасѣ», на парѣ, съ большимъ старикомъ кучеромъ, и ихъ нехитрый экипажъ опрокинула нахавшая громадная, тяжелая почтовая телега, за которой мчались еще нѣсколько троекъ. Дѣло лишь случайно обошлось только поломкой тарантаса. Ищники стали ругаться «по все горло, такъ что ихъ, должно быть, на десять верстъ слышно... Громче и злѣе всѣхъ бранится виноватый. Ночью, передъ разсвѣтомъ, среди этой дикой ругающейся орды, въ виду близкихъ и далекихъ огней, пожирающихъ траву, но ни на каплю не согрѣвающихъ холоднаго ночного воздуха, около этихъ безпокойныхъ поровнистыхъ лошадей, которыя столпились въ кучу и ржутъ, я чувствую такое одиночество, какое трудно описать. Старикъ, ворча и высоко поднимая ноги, — это онъ отъ болѣзни, — ходитъ вокругъ тарантаса и лошадей и отвязываетъ, гдѣ только можно, веревочки и ремешки, чтобы связать ими сломанную оглоблю. Потомъ онъ, зажавъ спичку за спичкой, ползаетъ на брюхѣ по дорогѣ и ищетъ постромку. Идутъ въ дѣло и мои багажные ремни. Уже занялась заря

на востокъ. Уже давно кричатъ проснувшіеся дикіе гуси, наконецъ, уже уѣхали ящичники, а мы все еще стоимъ на дорогѣ и починаемся. Пробовали было ѣхать дальше, но связанная оглобля — трах... и нужно опять стоять... Холодно».

А вотъ характеристика Сибири, какъ ее чувствовали сосланные изъ Россіи интеллигенты и, явно, самъ Чеховъ: «Живется имъ скучно. Сибирская природа, въ сравненіи съ русской, кажется имъ однообразной, блѣдой, беззвучной; на Вознесеніе стоитъ морозъ, а на Троицу идетъ мокрый снѣгъ. Квартиры въ городахъ скверныя, улицы грязныя, въ лавкахъ все дорто, невѣже и скудно, и многого, къ чему привыкли въ Россіи, не найдешь ни за какія деньги. Мѣстная интеллигенція, мыслящая и немыслящая, съ утра до ночи пьетъ водку, пьетъ неизящно, грубо и глупо, не зная мѣры и не пьютъ; послѣ первыхъ же двухъ фразъ, мѣстный интеллигентъ непременно уже задаетъ вамъ вопросъ: «А не выпить ли намъ водки?» И отъ скуки пьетъ съ нимъ сыльный, сначала морщится, потомъ привыкаетъ и, въ концѣ концовъ, конечно, спивается. Если говорить о пьянствѣ, то не сыльные деморализуютъ населеніе, а населеніе сыльныхъ. Женщина здѣсь такъ же скучна, какъ сибирская природа; она не колоритна, холодна, не умѣетъ одѣваться, не поетъ, не смѣется, не миловидна и, какъ выразился одинъ старожилъ въ разговорѣ со мной, «жестка на ощупь». Когда въ Сибири со временемъ нарождаются свои собственные романисты и поэты, то въ ихъ романахъ и поэмахъ женщина не будетъ героиней; она не будетъ вдохновлять, возбуждать къ высокой дѣятельности, спасать, идти «на край свѣта». Если не считать плохихъ трактировъ, семейныхъ банъ и многочисленныхъ домовъ терпимости, до которыхъ такой охотникъ сибирскій человекъ, то въ городахъ нѣтъ никакихъ развлеченій... Тоска и тоска. Чѣмъ развлечь свою душу? Прочтѣть сыльный какую-нибудь завалящую книжку, вроде «Болѣзни воли» Рибо, или въ первый солнечный весенній день надѣнуть свѣтлыя брюки, вотъ и все. Рибо скучновато, да и кстати ли читать о болѣзняхъ воли, коли самой воли нѣтъ? Въ свѣтлыхъ брюкахъ холодно, но все таки разнообразіе».

Чеховъ пріѣхалъ въ Николаевскъ на Амурѣ 5-го іюля, не нашелъ въ городѣ пріюта, — гостиницы тамъ не было, и подвечеръ рѣшилъ вернуться на пароходъ. «Но тутъ новая бѣда, — писалъ онъ въ первой главѣ своей книги: — развело по-

рядочную зыбь, и лодочники-гиляки не соглашались везти ни за какія деньги. Опять я хожу по берегу и не знаю, что съ собой дѣлать. Между тѣмъ, уже заходитъ солнце, и волны на Амурѣ темнѣютъ. На этомъ и на томъ берегу неистово воютъ гиляцкія собаки. И зачѣмъ я сюда поѣхалъ? — спрашиваю я себя, и мое путешествіе представляется мнѣ крайне легкомысленнымъ. И мысля, что каторга уже близка, что черезъ нѣсколько дней я высажусь на сахалинскую почву, не имѣя съ собой ни одного рекомендованнаго письма, что меня могутъ попросить уѣхать обратно, — эта мысль неприятно волнуетъ меня». Какъ извѣстно, Чехова не только не «попросили уѣхать» съ Сахалина, но пріамурскій генералъ-губернаторъ, бар. А. И. Корфъ, прибывшій почти одновременно ревизовать островъ, разрѣшилъ писателю «бывать гдѣ угодно и у кого угодно». «Намъ скрывать нечего, — сказалъ онъ, — вы осмотрите здѣсь все, вамъ дадутъ свободный пропускъ во все тюрьмы и поселенія, вы будете пользоваться документами, необходимыми для вашей работы, однимъ словомъ, — вамъ двери будутъ открыты всюду».

Такъ и случилось. Чеховъ провелъ на Сахалинѣ три мѣсяца и еще оттуда писалъ Суворину: «Я привезу съ собой кой какія бумаги, изъ которыхъ вы увидите, что условія, въ которыя я былъ поставленъ съ самаго начала, были благопріятнѣйшими. Я видѣлъ все: стало быть, вопросъ теперь не въ томъ, что я видѣлъ, а какъ видѣлъ. Не знаю, что у меня выйдетъ, но сдѣлано мною не мало. Хватило бы на три диссертации. Я вставалъ каждый день въ 5 часовъ утра, ложился поздно и все дни былъ въ сильномъ напряженіи отъ мысли, что мною многого еще не сдѣлано, а теперь, когда я уже покончилъ съ каторгой, у меня такое чувство, какъ будто я видѣлъ все, но сло-ва-то и не прихвѣтилъ. Кстати сказать, я имѣлъ терпѣніе сдѣлать перепись всего сахалинскаго населенія. Я объѣзжалъ все поселенія, заходилъ во все избы и говорилъ съ каждымъ; употреблялъ я при переписи карточную систему, и мною уже записано около 10 тыс. человекъ каторжниковъ и поселенцевъ. Другими словами, на Сахалинѣ нѣтъ ни одного каторжника или поселенца, который не разговаривалъ бы со мной». О томъ же повторилъ Чеховъ Суворину, уже вернувшись въ Россію: «Работа у меня была напряженная; я сдѣлалъ полную подробную перепись всего сахалинскаго населенія и видѣлъ все, кромѣ смертной казни. Знаю я теперь очень многое, чув-

ство же я привезъ нехорошее. Пока я жилъ на Сахалинѣ, моя утроба испытывала только нѣкоторую горечь, какъ отъ прогорклаго масла, теперь же, по воспоминаніямъ, Сахалинъ представляется мнѣ цѣлымъ адомъ».

«Островъ Сахалинъ» Чеховъ писалъ весь 1891 годъ. Работа была «тягучей», «кропотливой», «каторжной и скучной», какъ неоднократно онъ жаловался. «Сахалинъ подвигается, — писалъ онъ Суворину въ августѣ 1891 года. Временами бываетъ, что мнѣ хочется сидѣть надъ нимъ 3 — 5 лѣтъ и работать надъ нимъ неистово. Временами же, въ часы мнительности, взялъ бы и плюнулъ на него. Много я напишу чепухи, ибо я не специалистъ, но, право, напишу кое что и дѣльное». «Островъ Сахалинъ» (изъ путевыхъ записокъ) сталъ печататься въ «Русской Мысли» въ октябрѣ 1893 года, и въ іюльской книжкѣ слѣдующаго года закончился на 19-й главѣ. Общественное «окончаніе» въ журналѣ не появилось. Полностью книга — 23 главы вышла отдѣльнымъ изданіемъ въ 1895 году. Сдавъ рукопись въ печать, Чеховъ, въ письмѣ къ Суворину, такъ характеризовалъ ее тонъ: «То, что вы когда-то читали у меня, забудьте, ибо то фальшиво. Я долго писалъ и долго чувствовалъ, что иду не по той дорогѣ, пока, наконецъ, не уловилъ фальши. Фальшь была именно въ томъ, что я, какъ будто, кого-то хочу своимъ «Сахалиномъ» научить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то скрываю и сдерживаю себя. Но какъ только я сталъ изображать, какимъ чудачкомъ я чувствовалъ себя на Сахалинѣ, и какія тамъ свиньи, то мнѣ стало легко, и работа моя закипѣла, хотя и вышла немножко юмористически».

Появленіе «Путевыхъ записокъ» Чехова и въ журналѣ, и отдѣльнымъ изданіемъ прошло почти незамѣченнымъ критикой. Но книга обратила большое вниманіе специалистовъ по тюремновѣднію и криминалистикѣ. Главное тюремное управленіе отправило на Сахалинъ для ревизіи ученыхъ криминалистовъ, вполнѣ подтвердившихъ тѣ мрачныя факты, которые разсказалъ Чеховъ.

Во всемъ «литературномъ наслѣдіи» Чехова «Сахалинъ», конечно, наименѣ «чеховская» книга. Но самъ писатель не напрасно радовался, что «въ его беллетристическомъ гардеробѣ будетъ висѣть и сей жесткій арестантскій халатъ». «Сахалинъ» съ интересомъ читается еще и теперь.

Р. Словцовъ.

*) А. П. Чеховъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ X. Островъ Сахалинъ. Изъ Сибири. Госиздатъ худож. литературы. Москва. 1932. Стр. 306.